

ЕВА ВЕРЕСК

ОТДЕЛ «К»

ДЕЛО О
РОЖДЕСТВЕНСКИХ
ИСЧЕЗНОВЕНИЯХ

Ева Вереск

**Отдел "К": Дело о
рождественских исчезновениях**

«Литнет»

2025

Вереск Е.

Отдел "К": Дело о рождественских исчезновениях / Е. Вереск — «Литнет», 2025

В городе, где новогодние желания иногда сбываются самым неожиданным образом, работает секретная служба — Отдел «К». Их задача — следить за магией праздников и пресекать «несанкционированные чудеса». Циничный инспектор Артём Калинин расследует рядовое дело о сбежавшем снеговике. Но в канун Рождества всё меняется: на главной ёлке города самовозгорается таинственная гирлянда, и в ту же секунду бесследно исчезает первый человек. Затем — второй, третий... Расследование приводит Артёма к древней легенде о Карачуне — духе зимней стужи и воздаяния, который забирает тех, кто источает зло и равнодушие. И этот дух вышел из-под контроля. Крещенской ночью он планирует «Великую Чистку», после которой город забудет о теплоте и чуде навсегда. Чтобы остановить неумолимого охотника, Артёму придется объединиться с Варей Снегиной — девушкой, которая разговаривает с ёлочными игрушками и не знает, что случилось с её отцом, исчезнувшим на том же деле годы назад.

© Вереск Е., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1: Новогодний инцидент	5
Глава 2: Огни на ёлке	9
Глава 3: Первое исчезновение	13
Глава 4: Дело передают в Отдел «К»	16
Глава 5: Личный демон	19
Глава 6: Расследование	22
Глава 7: Второй огонек	26
Глава 8: Жертва №2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1: Новогодний инцидент

Новогоднее чудо в Глуховске обычно пахло серой, перегаром и ледяной тоской.

Инспектор Отдела «К» Артём Калинин стоял около унылого двора на окраине «Спутника» — самого большого спального района города — и наблюдал, как чудо в лице двухметрового снеговика с углём вместо глаз методично долбило головой о стену панельной девятиэтажки. С каждым ударом с карниза сыпалась ледяная крошка, а в форточках на третьем этаже вздрагивали гирлянды. Снеговик не был творением рук человеческих: его слепила сама природа, а после, судя по всему, кто-то щедро плеснул в него магической энергии праздничного стресса и всеобщей истерической радости. Получился элементаль тоски по лету с явными признаками агрессивного поведения.

Глуховск был городом, где магия не исчезла, а просто слегка прохудилась. Она сочилась из трещин в асфальте, копилась в узлах линий электропередач и особенно буйствовала в праздники. Отдел «К», где служил Артём, занимался как раз такими «протечками» — аномалиями, не вписывающимися в стройную картину обыденного мира. Большая их часть была безвредной и глупой: ожившие новогодние игрушки, гирлянды, игравшие похоронный марш, или, как в данном случае, снежные скульптуры, проявлявшие нездоровый интерес к архитектуре. Местные жители, поколениями жившие бок о бок с этой подспудной мистикой, относились к ней с философским спокойствием и врождённым скепсисом. Они ругались, вызывали коммунальщиков, а когда те разводили руками — звонили в «особый отдел». Чудес тут не ждали. Ждали устранения неполадок.

Артём как раз и был высококлассным мастером по устранению магических неполадок. Высокий, сутуловатый, в потёртой кожаной куртке поверх бронежилета, он производил впечатление человека, который забыл, что такое удивление. Его лицо, не лишённое усталой привлекательности, было бесстрастной маской. Только в уголках серых глаз залегли вечные морщинки — не от смеха, а от постоянного прищуря, будто он всегда вглядывался в неприятную даль.

— Дядь, вы его, что ли, укротитель? — спросил паренёк в пуховике, сгруппировавшийся за спиной Артёма.

Со двора смотрела небольшая толпа: бабушки с авоськами, дети, которых не успели загнать домой, пара мужиков с явным желанием помочь чем-то тяжёлым и тупым.

— Ликвидатор, — поправил Артём, не оборачиваясь. Он открыл алюминиевый кейс, вынул нечто, напоминающее гибрид безменовского пистолета и лазерного уровня.

— Это чё, волшебная палочка? — фыркнул кто-то сзади.

— Дозированный эмпатический ретранслятор, — отчеканил Артём, вставляя в прибор холодно сияющий кристаллический аккумулятор. — В просторечии — «будильник». Он посылает импульс, который перегружает примитивную магическую матрицу, собранную на сильных эмоциях. Снеговик развалится. Чудо закончится. Все разойдутся по домам.

Он нацелился. Снеговик, почувствовав исходящую от прибора угрозу, оторвался от стены и повернул к нему свою морковную голову. Угли-глаза полыхали тусклым, обидчивым светом.

— Он ж живой! — ахнула бабушка.

— Он не живой. Он — аномалия, — сквозь зубы процедил Артём. — Как галлюцинация, только из снега. И сейчас она пройдёт.

Он нажал на спуск. Прибор тихо взвыл, и в воздухе запахло озоном и... мятной жвачкой. Это был побочный эффект «будильника»: он вышибал дурную магию, подмешивая к импульсу безликий, но навязчивый «запах праздника» из какого-нибудь рекламного ролика. Снеговик

замер, затрещал по швам и медленно осел в бесформенную кучу снега, из которой торчала лишь одинокая, уже никому не угрожающая морковка.

Толпа вздохнула разочарованно. Чуда не случилось. Никакой битвы, никакого волшебства. Просто приехал угрюмый дядька с приборчиком и нажал кнопку. Таксист вызвал такси от мира фантазий.

— И всё? — недовольно протянул паренёк.

— И всё, — Артём щёлкнул предохранителем и убрал «будильник» в кейс. — Поздравляю с наступающим. Старайтесь меньше злиться и испытывать душевный подъём в радиусе пяти метров от снежных построек. Эмоции — это топливо для таких казусов.

— Да мы и не злились! Просто Серёга с пятого этажа вылил вчера на балконе остатки шампанского, вот оно, наверное, и впиталось, — предположила одна из бабулек.

Артём лишь вздохнул. Так и работалась магия в Глуховске — спонтанно, нелепо, через бытовуху и человеческую глупость. Никаких великих заклинаний, никаких школ волшебства. Просто накопленный стресс, радость, тоска или злость иногда, как статическое электричество, разряжались в окружающий мир, оживляя что-то неодушевлённое или искажая реальность. Отдел «К» был своего рода аварийной службой, которая вытирала эти лужи с порога реальности. Артём в этой службе был идеальным сотрудником. Он не верил в смысл этих «протечек». Он просто чинил.

Забрав с собой морковку как вещественное доказательство (в протоколе это будет значиться как «объект-катализатор»), он сел в служебный уазик. В салоне пахло бензином, старым кожаном и его же собственным цинизмом. Он завёл мотор, глядя на двор, где дети уже растаскивали остатки снеговика для новых, более мирных проектов.

«С наступающим, — мысленно бросил он в адрес города, укутан packed в мишуру и сизый промышленный снег. — Жгите. Желайте. Только потом не удивляйтесь, если ваше желание вздумает кого-нибудь придушить».

И, включив дворники, чтобы стереть с лобового стекла налипшую магическую и обычную грязь, он тронулся с места. Рабочий день был в разгаре, а до Нового года оставалось всего ничего. В Глуховске это означало, что самое интересное было ещё впереди.

Офис Отдела «К» в пять часов вечера 30 декабря напоминал брошенную орбитальную станцию. Тишина здесь была густой, липкой, нарушаемой только мерным тиканьем больших настенных часов — подарка какого-то бывшего начальника с дурным чувством юмора. Их стрелки неумолимо приближались к празднику, как заключённые к краю стены.

Артём Калинин сидел за своим столом в дальнем конце открытого пространства, где царил образцовый беспорядок. Папки с отчётами о «фантомных хлопюшках» и «агрессивно мигающих гирляндах» лежали вперемешку с инструкциями по противопожарной безопасности. На мониторе застыла половина заполненного формуляра о нейтрализации снежного элемента. Артём дописывал её одной рукой, другой поднося к губам кружку с остывшим кофе. Напиток был таким же тёмным, горьким и лишённым иллюзий, как и его владелец.

За окном, в пятнадцати этажах ниже, Глуховск зажигался. Улицы, днём серые и слякотные, теперь тонули в агонии иллюминации. Миллионы разноцветных лампочек — от дешёвой китайской мишуры на балконах хрущёвок до пафосных светодиодных скульптур у мэрии — яростно сигналили в наступающую темноту, словно пытаясь выжечь саму зиму. Снег, падающий крупными, ленивыми хлопьями, в их свете казался не природным явлением, а дешёвым спецэффектом. Где-то там гремела праздничная музыка из торговых центров, визжали дети, целовались парочки, надеявшиеся, что магия ночи как-то изменит законы физики и химии их отношений. Весь город превращался в одну большую, плохо пропатченную аномалию.

Артём смотрел на это безумие и чувствовал лишь ледяную, знакомую усталость. Новогодняя магия. Какое громкое название для кучки примитивных психофизических сбоев. Весь этот шум, суeta, принудительное веселье — они не создавали чуда. Они создавали топливо.

Эмоциональные выхлопы миллиона душ: раздражение от толпы в магазинах, стресс от поисков подарков, истеричная радость от двух лишних дней выходных, глубокая, подвальная тоска одиночек. Всё это копилось в атмосфере Глуховска, как статическое электричество в синтетическом ковре. А потом разряжалось во что-нибудь нелепое и потенциально опасное: в снеговика-вандала, в гирлянду, начинавшую транслировать в эфир чужие ссоры, в шампанское, от которого людей тошнило не по причине плохого качества, а из-за сгустка коллективной зависти, попавшего в бутылку на заводе.

Это не было волшебством. Это был сбой системы, брак на производстве иллюзий. Люди так отчаянно хотели верить в чудо, что их собственная вера, искажённая и испорченная, материализовалась в самые уродливые формы. Артём видел результат этого годами. И с каждым годом его цинизм закалялся, как сталь.

Его взгляд скользнул по пустым креслам коллег. Все разбежались — готовиться, веселиться, делать вид. Только он остался. Здесь было тихо. Здесь не нужно было притворяться, что тебя радует бой курантов или дурацкий голос какого-нибудь телеведущего из ящика. Здесь можно было просто быть собой — высокооплачиваемым дворником, который выметает последствия всеобщего эмоционального помешательства.

Он отхлебнул кофе, поставил кружку на стопку отчётов, оставив мокрый круг. Его пальцы сами потянулись к верхнему ящику стола. Щелчок замка прозвучал в тишине оглушительно. Там, под папкой с грифом «Секретно», лежала маленькая, потрёпанная по краям фотография. Он не стал её вытаскивать, лишь приоткрыл ящик, чтобы увидеть снимок. На нём — мальчик лет восьми и девочка чуть младше, оба в смешных бумажных колпаках, уставившиеся на вспышку фотоаппарата с широкими, беззаботными улыбками. За их спинами — ёлка, вся в блёстках и ватной мишуре из советского прошлого.

Чудо. Он тогда загадал желание. Искренне, со всей силой детской веры. Он просил у этой ёлки, у Деда Мороза, у всей этой мишуры лишь одного — чтобы его сестрёнка выздоровела. Это было его новогоднее чудо.

Через три месяца её не стало.

С тех пор Артём знал правду. Новогодняя магия была не просто бесполезной. Она была опасной. Она давала ложную надежду. Заставляла поверить, что в мире есть какая-то справедливая сила, которая исполняет желания. А потом эта сила демонстрировала тебе свою полную, абсолютную беспомощность. Или, что хуже, брала за исполнение какую-то неочевидную, чудовищную плату.

Он резко захлопнул ящик. Звук отозвался коротким, сухим эхом в пустом зале. Фотография исчезла в темноте, как и должно быть. Память — не для праздников. Память — это холодный камень за пазухой, который не даёт согреться дурацким иллюзиям.

Он допил кофе до гущи, ощущая во рту привычную горечь. Лучше бы это был яд. Яд хотя бы действовал предсказуемо. Внезапно его взгляд упал на коробку с блестящим серпантинном, которую забыла прибрать уборщица. Один серебристый усик вылез наружу и беспомощно шевелился под дуновением кондиционера. Смотрелся так же жалко и неуместно, как и вся эта затея с «волшебным праздником».

Именно в этот момент, в идеально рассчитанной тишиной точке между его мыслями, на столе зазвонил служебный телефон. Резкий, не терпящий отлагательств звук прорезал тишину, как нож — праздничный торт.

Артём взглянул на дисплей. Определился номер. Начальник.

Он медленно, с той самой профессиональной, вымученной безэмоциональностью, поднял трубку. — Калинин.

Голос в трубке был ровным, но в нём слышалось напряжение, которое начальник никогда не проявлял просто так.

— Артём, ты ещё там? Хорошо. Собирайся. На Центральной площади — нештатная ситуация. Главная ёлка. Там... горит один огонёк. И никто не может его погасить. Физически.

В голосе начальника была та самая нотка, которую Артём ненавидел больше всего — нотка «возможного контакта с чем-то, что не вписывается даже в наши дурацкие инструкции».

— Гирлянда сломалась, — констатировал Артём, уже мысленно проверяя список оборудования в уазике.

— Нет, — начальник сделал паузу. — Не сломалась. Она сама горит. Синим. И вокруг... холодно. Очень холодно. Поезжай. И будь осторожен. Это... не похоже на обычный сбой.

Артём положил трубку. Он сидел ещё секунду, глядя в темнеющее окно, где город продолжал свой громкий, яркий, фальшивый карнавал. Где-то там, в самом его сердце, уже ждала его новая «неполадка»: синий огонёк, холод. Не похоже на сбой.

Он потёр переносицу, чувствуя приступ знакомой, циничной досады.

«С наступающим», — подумал он, поднимаясь с кресла и хватая со стойки ключи от уазика. — «Начинается».

Глава 2: Огни на ёлке

Центральная площадь Глуховска в канун Нового года была похожа на гигантский, плохо отрежиссированный спектакль. Под белёсым куполом неба, подсыпавшего скупыми порциями снежной пудры, кипела жизнь, лишённая всякой тайны и наполненная до краёв ритуалами. Скороговоркой трещали барабаны уличных торговцев, продающих шарики «как стеклянные» по цене пластиковых. Над всем этим висел густой запах жареных каштанов, сладкой ваты и подгорелого масла — запах обязательного, приобретённого веселья.

И над всем этим царила Она. Тридцатиметровая красавица-ель, привезённая, как гла-сила городская легенда, из сибирской тайги, где она когда-то скучала в окружении волков и медведей. Теперь она стояла, закованная в километры гирлянд, увешанная тысячами шаров, как новогодняя заключённая. Её верхушка, украшенная холодной, бездушной звездой из сапфирового стекла, почти терялась в низкой облачности.

Артём Калинин пробивался сквозь толпу, ощущая себя диверсантом на вражеском празднике. Его кожаная куртка и сосредоточенное, не праздничное выражение лица заставляли людей невольно расступаться. Он шёл мимо детей, катающихся на ледяной горке с визгом, который резал слух; мимо парочек, деливших один стаканчик глинтвейна и свои нехитрые планы на ночь; мимо одиноких стариков, наблюдавших за суетой с выражением вечного, спокойного недоумения на лицах.

Непосредственно у ограждения, опоясывавшего гигантскую ёлку, царил уже другой порядок — порядок служебный. Тут толпились волонтеры в одинаковых ярко-синих куртках с надписью «Магия в каждом дне!», которые выглядели измотанными и слегка обманутыми в ожиданиях. Двое мужчин в комбинезонах «Горсвета» с озабоченным видом копались в открытой металлической распределительной коробке, из которой тянулись толстые жгуты проводов. И стоял он — смотритель.

Мужчина лет пятидесяти, в потрёпанной дублёнке и ушанке, с лицом, на котором хроническое недовольство жизнью высекло глубокие, неизгладимые борозды. Он курил, не обращая внимания на запрещающую табличку, и его взгляд, скользивший по толпе, был полон такого ледяного презрения, что, казалось, мог задушить гирлянды.

И была гирлянда.

Артём остановился, поднял голову. С первого взгляда всё казалось обычным: лавина огней, мигающая в бешеном, предписанном программой ритме — красный, жёлтый, зелёный, белый. Но затем взгляд цеплялся за аномалию. Примерно на уровне пятого этажа, чуть левее центра, горела одна-единственная гирлянда. Не мигала. Не переливалась. Горела ровным, густым, неестественно глубоким синим цветом. Цветом полярной ночи, тёмного льда и чего-то бесконечно далёкого. Она не вписывалась в общий безумный хор огней. Она была тихой, настойчивой, чужеродной нотой.

Отдел «К» не возник по приказу свыше и не родился из громкого мистического инцидента. Он вырос, как плесень в подвале старого здания — тихо, незаметно, из ощутимой потребности залатать дыры в самой реальности. Изначально его не было в штатном расписании: была папка — толстая, серая, с грифом «Для служебного пользования» — в сейфе начальника городского УВД капитана Грошева. Надпись на корке: «Протоколы о заведомо ложных вызовах и групповых психогенных расстройствах. Сводка».

Собирать её начал в конце 50-х молодой, дотошный оперативник Игорь Столяров. Он не верил в чертовщину, он верил в логику. Логика подсказывала: если в разных концах огромного индустриального Глуховска, в разное время, абсолютно разные люди — от сталеваров до учительниц — рассказывают одно и то же (например, про «кикимору в паровом коллекторе» или про «говорящую воду в колонке»), значит, есть причина. Не сверхъестественная, а зем-

ная: утечка газа, плохая вентиляция, массовое отравление суррогатом или, на худой конец, злая шутка. Столяров ездил, проверял, составлял акты. Чаще всего находил объяснение. Но не всегда.

Оставался осадок. Несводимый остаток. Как в истории с кочегаром ТЭЦ-2, который клялся: уголь в топке взвыл человеческим голосом и сложился в лицо. Утечки газа не было, алкоголя — нуль. Коллеги подтверждали: слышали. Столяров написал «массовая аудитивная галлюцинация, вызванная переутомлением и монотонным шумом агрегатов» и положил отчёт в папку. Но мысль грызла: а если это не галлюцинация? Если это свойство места? Если индустриальный гигант, пожирающий тысячи тонн топлива, порождает не только пар и электричество, но и призрачную «боль», которая иногда материализуется?

Переломным стал 1968 год. Зима. В старом районе «Камвольно-суконного комбината» (КСК) случилась серия инцидентов. Сначала у жильцов пропали домашние животные: не сбежали, а исчезли без следа, оставив на подоконниках комочки инея идеальной формы. Потом в подъездах слышались шаги и детский плач, хотя детей там не было. А потом старая липовая аллея у проходной зацвела — в январе. Цветы были белые, восковые, без запаха; насекомые их обходили. Через три дня они осыпались ледяной пылью.

Вызвали милицию, пожарных, санэпидемстанцию. Никто ничего не нашёл. Паника росла, пошли разговоры о «порче» и «проклятии фабрики». Собирались толпы. Капитан Грошев, поседевший и уставший от абсурда, вызвал к себе уже майора Столярова и положил перед ним раздутую папку:

— Всё, Игорь. Я старый. Тут либо мы с тобой кончаем с кукухой, либо в городе начинается Средневековье. Собирай команду: тихих, умных, скептиков. Разбери это навсегда. Как хочешь — так и называй. Только больше ко мне с этим не лезь.

Так появилась «Особая следственно-оперативная группа № 7» — в узких кругах «Группа Столярова», позже — Отдел «К». Буква «К» изначально значила «Казуистика» (разбор запутанных дел). Скоро сами сотрудники стали расшифровывать её иначе: «Казусы». А потом — просто «Кошмары».

Столяров набрал людей по принципу прочности психики и гибкости ума. Вошли: инженер-физик с оборонного завода, уволенный за «неортодоксальные гипотезы в области полевых взаимодействий» (он отвечал за приборы);

врач-психиатр, разочаровавшийся в официальной науке после серии «психических заражений» в больнице;

архивариус краеведческого музея, знаток местных легенд, понимавший: миф — часто искажённая инструкция по выживанию;

и сам Столяров — следователь, обязанный увязывать всё в юридические рамки.

Метод был прост: рационализация и локализация. Они не охотились на призраков, а искали причину аномалии и способ её нейтрализовать. Чаще всего виновата оказывалась материя: залежи магнитной руды, вызывающей галлюцинации; проржавевшие трубы, издающие «стоны»; споры грибка, провоцирующие агрессию. С этим боролись технически.

Но иногда причина упиралась в другое: в «место силы», исковерканное годами страданий (КСК стоял на старом кладбище); в коллективный эмоциональный выброс (после аварии в шахте район перестал заводить механические часы); в древний обряд, чей энергетический след активировал новое строительство. Тогда применяли «неортодоксальные методы»: контр-ритуалы, энергетический сброс модифицированными приборами, психологическую нейтрализацию — убеждение, переключение внимания, создание нового, более стойкого паттерна. Они работали как сапёры, обезвреживая не бомбу, а саму идею взрыва.

Зачем это нужно государству? Ответ был прагматичен: для порядка. Аномалии мешали производству, сеяли панику, порождали суеверия, способные перерасти в религиозный или антисоветский бунт. Отдел «К» стал санэпидстанцией идеологической и психологической

сферы: вычищал «ментальную заразу» и поддерживал стабильность. В сухих отчётах всё сводилось к «редким природным явлениям», «техногенным факторам» или «массовым психозам». Главное — чтобы «кошмар» не повторился.

Со временем Отдел обрастал архивами, оборудованием, собственными мифами. Столяров вырастил смену — таких же трезвых, неулыбчивых людей, для которых магия была не чудом, а разновидностью природной опасности, подлежащей предсказанию и купированию. Они составили классификацию угроз, протоколы реагирования, карты аномальных зон Глуховска.

Отдел «К» стал невидимым швом, скрепляющим ткань реальности в городе, где она особенно тонка и рвётся при каждом сильном душевном порыве. Они были дворниками, выметающими последствия коллективных кошмаров. И до поры до времени система работала.

— Калинин, Отдел «К», — отрекомендовался Артём, подойдя к группе у коробки и показав удостоверение. Взгляды волонтёров оживились смесью надежды и любопытства. Взгляд смотрящего лишь стал ещё более мрачным. — Что по протоколу?

Один из электриков, с сизым от холода носом, махнул рукой в сторону коробки:

— Да всё по протоколу! Щиток обесточен. Рубильник вот, видите? Вниз. На всей линии ноль вольт. А она горит. Физика отдыхает. Мы уже и предохранители проверяли, и кабель... Сухое место, замыкания быть не может. Она просто... берёт энергию откуда-то ещё.

— Откуда? — спросил Артём, уже доставая из кейса компактный мультиметр с доработанным датчиком эфирного фона.

— Хрен её знает! От воздуха! — фыркнул электрик.

Артём поднёс датчик к проводам, ведущим к проблемной гирлянде. Стрелка на приборе дёрнулась и замерла, показывая не вольты, а нечто, обозначенное как «Ф. П.» — фоновый потенциал. Показания были низкими. Никакого мощного выброса энергии. Тогда он направил датчик в сторону самой горящей синим гирлянды. И тут стрелка дрогнула и поползла вниз, в отрицательную зону.

— Температура? — спросил он.

— Минус пятнадцать у коробки, — сказал электрик. — А вот там, возле неё... — он неуверенно махнул рукой вверх, — говорят, холоднее.

Артём переключил прибор в режим термометра с выносным зондом. Направил луч лазерного указателя на ту самую синюю гирлянду. Цифры на экране начали падать: минус восемнадцать, минус двадцать два, минус двадцать семь. Они стабилизировались на отметке в тридцать градусов ниже нуля, образуя невидимый, леденящий шар вокруг нескольких лампочек. В полутора метрах от неё показывало всего минус десять.

— Локальное падение температуры, — констатировал он вслух голосом, лишённым всякого удивления. — Критическое. Образует чёткую аномальную зону.

Он повернулся к смотрящему:

— Когда зажглась?

Тот тяжело вздохнул, выпустив струю дыма:

— Час назад. Может, полтора. Просто взяла и загорелась. Сначала моргала, как все, потом... бац. Синяя и ровная. Как глаз.

— Перед этим что-то необычное было? Гости, разговоры, может, кто-то к ёлке подходил, трогал?

Смотритель язвительно усмехнулся:

— Да все тут подходят, трогают! Дети, дураки... Один мужик вчера пытался залезть, чтобы игрушку снять на память, охранник оттащил. Ничего «необычного». Всё как всегда. Глупость одна.

— А вы? — Артём пристально посмотрел на него. — Не замечали ничего? Ощущений?

— Ощущение, что я здесь дурак, на морозе торчу, пока все нормальные люди дома сидят, — отрезал смотритель. — Больше никаких ощущений.

Артём кивнул, переводя взгляд на волонтёров. Девушка с синими от холода губами и усталым, но добрым лицом сказала:

— Мы... мы почувствовали, как вдруг похолодало. Именно здесь, у ствола. И свет... он не греет. Он, кажется, тепло забирает. На него смотришь, и тоска какая-то берёт.

— Тоска, — повторил Артём, записывая в планшет.

— Да не тоска, а фигня всё это! — огрызнулся смотритель. — Лампочки перегорели и светят так. Чудо, блин. Нашли чем голову морочить.

Артём снова посмотрел на синий огонь. И в этот момент его накрыло. Волна ледяного озноба, которая шла не снаружи, а изнутри, из самой глубины грудной клетки. Холод, пронизывающий до костей, до мурашек в душе. На миг ему показалось, что синий свет пульсирует, как живой, и в его густом свечении мелькают тени — длинные, искажённые, нечеловеческие. В ушах возник звон, высокий и тонкий, как хрустальная нить.

Он с силой моргнул. Звон стих. Тени исчезли. Просто огонёк. Просто аномалия.

«Сказочник, — мысленно отрезал он себе. — Не выпался. Наглotalся праздничного бреда. Локальное понижение температуры, фантомные разряды в сетчатке. И точка».

Он хлопнул крышкой кейса:

— Всё, с первичным осмотром закончил. Ставим ограждение поближе, никого не подпускать к стволу на пять метров. Электрикам — продолжать наблюдение, но не лезть. Я...

Он не договорил. Потому что в этот самый момент одинокая синяя гирлянда на тридцатиметровой ёлке вспыхнула так ослепительно, что на миг затмила всю остальную иллюминацию площади, отбросив на снег и лица людей резкие, ультрамариновые тени.

Глава 3: Первое исчезновение

Тишина после щелчка кейса Артёма длилась ровно три секунды. Её нарушил не звук, а свет.

Синяя гирлянда, до этого горевшая ровным, глубоким, почти сонным сиянием, внезапно сжалась — нет, втянулась в себя, как зрачок перед вспышкой. На долю мгновения вокруг неё образовалась чёрная, безвоздушная пустота, где даже свет других лампочек казался поглощённым.

— Что это... — начала девушка-волонтёр.

И взорвалась.

Не грохотом, а беззвучным, всепоглощающим извержением холодного пламени. Ослепительно-белый, с синей кровоподтёчной сердцевинкой, свет хлынул с высоты пятого этажа — не расширяясь конусом, а обрушившись вертикальной колонной. Он залил пространство у подножия ёлки, выжег тени, превратил снег в сияющую, слепящую гладь. Воздух зазвенел, словно миллионы ледяных игл столкнулись друг с другом. Артём инстинктивно зажмурился, но свет проникал сквозь веки, окрашивая мир в ядовитое сияние. Он почувствовал, как мороз вгрызается в кожу уже не как температура, а как физическое ощущение: острые, колющие щипцы сдавили виски, пронзили лёгкие на вдохе.

Именно в этот момент, в самую гущу этого немого ледяного ада, его взгляд, рефлекторно отвернувшийся от эпицентра, поймал движение на самой ёлке. Не на гирляндах, а между ними — на тёмных, покрытых инеем лапах огромной ели.

Тень.

Она была не от чего-то. Она была сама по себе — плотная, густая, как чёрный дым, но с чёткими, рваными границами. Она стремительно пронеслась по стволу снизу вверх, противоположно падающему свету, и на мгновение обрела форму: высокую, долговязую, с мощными, изогнутыми дугой рогами, венчавшими бесформенную голову. Рога не оленины — они были ветвистыми, корявыми, как голые сучья старого дуба, но острыми на концах. Тень мелькнула и растворилась среди ветвей, будто её и не было.

Всё это заняло меньше секунды.

Свет погас. Резко, будто кто-то выдернул вилку из розетки вселенной.

Наступила не просто темнота, а глубокая, оглушающая слепота. Сетчатка, перегруженная вспышкой, отказывалась работать. В ушах стоял тот самый высокий, леденящий звон. Артём, шатаясь, упёрся ладонью в холодное ограждение, мигая, пытаясь хоть что-то разглядеть. Перед глазами плясали зелёные и лиловые пятна — оптические призраки.

— Что... что это было?! — произнес чей-то сдавленный, испуганный голос.

— Ослепило, чёрт! Машка, ты цела?

— Щиток! Проверь щиток! — крикнул один из электриков.

Зрение начало возвращаться. Пятна рассеивались, открывая картину, которая была почти прежней, но теперь казалась неестественно плоской, бутафорской. Гирлянды на ёлке мигали в своём безумном ритме, как ни в чём не бывало. Синей гирлянды среди них больше не было. Ни тлеющего шлейфа, ни обгорелых проводов — просто разрыв в светящейся нити, чёрная пропасть в всеобщем веселье.

Артём протёр глаза, сделал шаг вперёд. Его мозг, отточенный годами протоколов и скепсиса, уже составлял список: «Временная световая аномалия высокой интенсивности. Сопровождалась акустическим феноменом и резким термическим...»

Мысль оборвалась. Его взгляд, скользнув по группе людей, автоматически искал самую мрачную фигуру. И не нашёл её.

Где смотритель?

На том месте, где секунду назад стоял угрюмый мужчина в дублёнке, прикуривая и смотря на мир с презрением, теперь лежала только его ушанка, валявшаяся в снегу, как оторванная кукла. Рядом — окурок, тлеющий слабой красной точкой.

Артём почувствовал, как холод, уже не внешний, а внутренний, сковал его желудок.

— Смотритель, — резко, громче, чем планировал, бросил он, — где мужчина, который здесь только что стоял?

Все замерли, оглядываясь. Волонтёры, электрики — их лица, ещё не успевшие перейти от шока от вспышки к новому ужасу, выражали лишь недоумение.

— Который? Дядька с сигаретой? — спросил молодой электрик, шурясь.

— Он. Куда ушёл?

— Не видел... Свет же был, ослепило...

— Я вроде... он отшатнулся, — неуверенно сказала девушка-волонтёр, Машка, — когда свет ударил. Может, за ограждение?

— За секунду? Слепым? — отрезал Артём. Его взгляд метнулся по площади. В радиусе двадцати метров не было ни одной одинокой, удаляющейся фигуры в дублёнке. Толпа гуляла, смеялась, каталась с горки. Никто не обращал внимания на кучку людей у ёлки. Для них ничего не произошло — просто мелькнула странная вспышка, и всё.

Артём подошёл к месту, где стоял смотритель. Снег здесь был утоптан, но не было ни следов поспешного отступления, ни вмятины от падения. Было... ничего. Как будто человека просто стёрли ластиком с картины. Он наклонился, не касаясь, над ушанкой. Измеритель фонового потенциала в его кармане начал тихо пищать, но он проигнорировал его. Вместо этого он увидел на чистом, почти синем в отражённом свете снегу крошечные, едва заметные кристаллики. Они не были снегом. Они были крупнее, идеальной геометрической формы и отдавали слабым синим свечением, как микроскопические светодиоды. Иней? Но не простой. Он лежал ровным кругом, диаметром примерно с человеческое тело.

«Локальное падение температуры до минус тридцати... Конденсация атмосферной влаги в аномальных условиях...» — мозг пытался цепляться за рациональное, но тень с рогами, мелькнувшая в глазах, жгла сознание кислотой.

— Он испарился! — вдруг визгливо выкрикнула одна из волонтёров, младшая. Её глаза были круглыми от нарастающего ужаса. — Свет его забрал! Я видела, как тень... какая-то тень...

— Заткнись, Тань, не гони! — резко оборвал её коллега, но в его голосе тоже звучала паника.

— Вызываем наряд и скорую, — скомандовал Артём голосом, в котором он сам с удивлением слышал металлическую твёрдость. — Никто не уходит отсюда. Все остаются на месте. Вы, — он ткнул пальцем в самого старшего электрика, — перекройте всё освещение ёлки. Полностью. Прямо сейчас.

Электрик, бледный, кивнул и поплёлся к щитку, пошатываясь. Артём отвернулся от них, доставая телефон, чтобы позвонить в отдел. Его пальцы чуть дрожали, и он сжал аппарат сильнее, чтобы скрыть это.

Паника, которую он приказал сдерживать другим, уже клубилась в воздухе — густая и липкая. Она исходила от волонтёров, которые сбились в кучку, перешёптываясь с перекошенными лицами. Она витала в расширенных зрачках электриков. Она была в этом неестественно ровном круге инея на снегу и в зияющей чёрной прорехе там, наверху, где горел синий свет.

И она была в нём самом. Глубоко внутри, под слоями цинизма и прагматизма, что-то древнее и забытое шевельнулось и прошептало: «Это не сбой. Это не аномалия. Это было внимание. Целенаправленное, осознанное, хищное внимание. И оно только что проявилось. И забрало себе то, что посчитало нужным».

А вокруг, в сантиметрах от этой зоны ледящего ужаса, Глуховск продолжал праздновать. Гремела музыка, смеялись дети, звенели бокалы в соседнем кафе. Они не знали, что праздник только что показал свой второй, изнаночный лик — не мишуру и огни, а тёмный лёд и беззвучный вой метели в пустоте. И что первый подарочек уже вручён.

Артём поднял взгляд на ёлку — на чёрную прореху среди гирлянд. И впервые за многие годы он почувствовал не циничное раздражение, а чистый, недетский страх. Страх человека, который только что увидел, как в его хорошо обустроенном, объяснённом по полочкам мире открывается трещина. И из этой трещины тянет таким холодом, от которого не спасает никакая куртка.

Глава 4: Дело передают в Отдел «К»

Холод, заполнивший Артёма на площади, не покинул его и в машине, и в лифте, и теперь — в стерильно-официальном кабинете начальника Отдела «К». Это был не холод от мороза за окном. Это был внутренний ледник, нараставший где-то в районе солнечного сплетения — тяжёлый, неподвижный, парализующий мысль. Он сидел на жёстком гостевом стуле, пальцы непроизвольно сжимали и разжимали ручку, которой он только что подписывал предварительный рапорт. В ушах, поверх тиканья настенных часов и гула компьютера, всё ещё стоял тот самый высокий, ледяной звон, словно его слуховая память отказывалась стирать аудиослед аномалии.

Испарился. Просто взял и испарился.

Слова девушки-волонтера вертелись в голове навязчивой, дурацкой каруселью. Он гнал их прочь. Были версии: кратковременное пси-воздействие, вызвавшее панику и бегство; экспериментальная технология маскировки; массовый психоз, в который он, по глупости, попал сам. Но под каждой версией зияла пустота, потому что на снегу остался круг идеального инея, а в гирлянде — чистая, необгорелая прореха. Факты упрямо складывались в картину, где не было места ни панике, ни технологиям. Только холодная, необъяснимая пустота.

— Калинин.

Голос начальника, Александра Борисовича — человека с лицом уставшего бухгалтера и душой, закалённой в тысячах абсурдных происшествий, — вернул его в реальность. Ему было около пятидесяти пяти, но выглядел он на все шестьдесят пять. Не от болезненности, а от накопленной усталости, которая впиталась в плоть и стала её частью. Среднего роста, плотного, но не полного телосложения — крепкий, как старый дубовый пенёк. Александр Борисович — вершина айсберга прагматизма в мире, где плавают слишком много мистических обломков. Его кредо: «Любое явление, каким бы абсурдным оно ни было, должно быть задокументировано, классифицировано и, по возможности, обезврежено, не нарушая видимости общественного порядка». Он не верит в «высшую справедливость» или «добрую магию». Но он верит в причинно-следственные связи и в то, что даже самую безумную причину можно использовать для предсказания и контроля следствия.

Александр Борисович начинал как перспективный следователь по особо важным делам прокуратуры в конце 80-х. Расследовал коррупционные схемы, дела о хищениях в особо крупных размерах. Был жёстким, принципиальным, верил в систему. Его карьере пророчили блестящее будущее.

Всё изменило «Дело о цехе №8». На одном из оборонных заводов Глуховска в заброшенном цехе начали бесследно пропадать сторожа. Местные говорили о «мести немецких призраков» (завод стоял на месте лагеря военнопленных). Милиция разводила руками. Дело попало к Александру (тогда ещё просто Саше). Он приехал, настроенный найти криминал. И нашёл... нечто иное. Он сам стал свидетелем: в полночь стены цеха поползли тенями, а из старой вентиляции полился шёпот на непонятном языке. Его напарник сошёл с ума на месте. Александр выстоял. Не потому что был смелым, а потому что его мозг, отчаянно цепляясь за логику, начал составлять протокол. Он записывал всё: частоту шёпота, температуру воздуха, геометрию теней. Это спасло ему рассудок.

Дело было передано в только что созданную на обломках группы Столярова «Спецгруппу «Феникс», которую возглавлял Геннадий Снегин. Снегин, увидев подробные, почти механические записи Александра, взял его к себе. «Вы не верите, — сказал Снегин. — И это ваша сила. Вы будете нашим якорем».

— Отвлекись от отчёта. Документы уже пошли наверх. Дело шифруется как «Потенциально аномальное, класс опасности „Предвестник“». Формальности соблюдены. Теперь — суть.

Артём кивнул, отложив ручку. Суть. Суть была в том, что он видел тень с рогами. И ни в одном протоколе, ни в одном учебнике по паранормальной активности Отдела «К» не было раздела «Рогатые тени, воруют людей». Это выводило ситуацию в область чистого, неприкрытого ужаса, с которым его прагматизм не знал, как бороться.

— Нужен другой подход, — сказал начальник, как будто прочитав его мысли. Он откашлялся. — Твои методы — замеры, анализ, дозированное подавление — здесь, возможно, бесполезны. Как молоток для тонкой хирургии. Поэтому к делу привлекается консультант. Специалист по... тонким материям. Войдите.

Дверь кабинета, которую Артём не заметил приоткрытой, распахнулась бесшумно. И вошла она.

Варя Снегина. Если ожидаешь увидеть цыганку с шалью или седобородого старца с горящими глазами, то реальность была по шаблону с хлёсткой иронией. Она была молода, лет двадцати восьми, одета не в романтические робы, а в практичную тёмную водолазку, джинсы и поношенные, но крепкие ботинки, будто собиравшаяся не на сеанс, а в поход. Тёмные волосы были собраны в небрежный хвост, высвобождавший прядь, падавшую на щёку. Но всё это меркло перед её взглядом. Глаза у неё были не просто светлыми, а почти прозрачно-серыми, как зимнее небо перед снегом. И в них не было ни капли мистического тумана. Был спокойный, пронзительный, видящий фокус.

Она посмотрела на Артёма, и ему показалось, что этот взгляд скользнул не по его лицу, а насквозь, за шиворот, туда, где всё ещё сжимался тот ледяной ком. Он почувствовал себя раздетым и изучаемым под микроскопом, и это вызвало мгновенную, яростную волну раздражения.

— Артём Калинин, ведущий инспектор, — отрекомендовал начальник, делая едва заметный жест рукой. — Варя Снегина. Неофициальный консультант отдела. В прошлом...

— В прошлом я ничего, — мягко, но чётко перебила Варя. Её голос был низким, немного хриловатым, и в нём не было подобострастия. — Сейчас — тот, кто может почувствовать то, что не ловят ваши приборы, Артём.

Она назвала его по имени с первой же секунды — без отчества, без звания. Это было нагло. Это было не по уставу. Артём ощутил, как его челюсть непроизвольно напряглась.

— «Почувствовать», — повторил он, и в его голосе зазвучал знакомый, отточенный цинизм — броня, которую он спешно натягивал. — Мои приборы фиксируют падение температуры до минус тридцати, фантомные энергетические импульсы и следы неидентифицированного кристаллического осадка. Это данные. А что такое «почувствовать»? Получить субъективное впечатление? Уловить «ауру»?

Варя не смутилась. Она сделала два шага вперёд и села в кресло напротив Артёма, не спрашивая разрешения. Её движения были плавными, но лишёнными какой-либо театральности.

— «Почувствовать» — это узнать, что ёлка на площади не просто объект атаки или источник аномалии. Она в ужасе. Она болит. И от неё веет таким холодом отчаяния, что он выжигает душу, — она произнесла это ровно, как констатацию факта, глядя прямо на него. — Вы тоже это почувствовали, Артём. Холод не снаружи. Он внутри. Вы до сих пор дрожите.

Он не дрожал. Он абсолютно контролировал себя. Но предательская мелкая дрожь где-то глубоко внутри, в самом ядре того ледяного кома, казалось, отозвалась на её слова. Он возненавидел её в тот же миг. Возненавидел за эту спокойную уверенность, за взгляд, который видел слишком много, за то, что она говорила о «чувствах» дерева в кабинете, где решались вопросы классификации угроз и распределения ресурсов.

— Я дрожу от того, что на моих глазах пропал человек, а меня пытаются перевести на язык эзотерической чепухи, — парировал он, вкладывая в слова всю накопленную за день ярость и фрустрацию. — У нас есть протоколы. Есть процедуры. Есть физические доказательства. Всё остальное — самообман, опасный в нашей работе.

— Опасный самообман, — тихо повторила Варя, и в уголках её губ дрогнуло что-то, отдалённо напоминающее не улыбку, а понимание неизбежной боли. — Это то, во что ты свято веришь. Прямо как те люди на площади верят в Деда Мороза. Только их вера безобидна. А твоя... твоя может нас всех ослепить. И тогда мы не увидим, что на самом деле происходит.

Между ними повисло напряжённое молчание, наэлектризованное взаимной неприязнью и совершенно разным пониманием мира. Начальник, наблюдавший за этой дуэлью, вздохнул — тяжёлый вздох человека, который вынужден сводить вместе огонь и лёд в надежде, что они как-нибудь растопят друг друга.

— Конфликт идеологий оставим для философских семинаров, — сказал он сухо. — Практическая задача: не допустить повторения инцидента и выяснить природу явления. Калинин, вы отвечаете за оперативную часть, сбор материальных улик, логистику и безопасность. Снегина — за контакт с нематериальными аспектами явления, интерпретацию и выдвижение гипотез, выходящих за рамки стандартных протоколов. Работаете вместе. Взаимные претензии и скепсис оставить за дверью этого кабинета. Это приказ.

Артём почувствовал, как его мир, уже давший трещину на площади, теперь раскалывался на две неравные части. Одна — привычная, измеримая, прагматичная. Другая — тёмная, интуитивная, населённая «чувствами» и «болящими» деревьями. И эти две части теперь сковывала одна цепь — приказ.

Он встретился взглядом с Варей. В её прозрачных глазах не было ни злорадства, ни желания понравиться. Была лишь холодная, сосредоточенная готовность к работе. И что-то ещё... что-то вроде сожаления. Как будто она видела, во что превращается его внутренняя буря, и понимала, насколько это для него мучительно.

«Отлично, — пронеслось в голове Артёма, полной ядовитой горечи. — Теперь у меня в напарниках живой детектор лжи и эмоциональный сейсмограф. И пропавший смотритель. И тень с рогами».

Он молча кивнул начальнику. Согласие было вымученным, вырванным силой устава. Он не принял её методов. Он просто был вынужден с ними сосуществовать. И это, как он понимал, было лишь началом всего кошмара.

Глава 5: Личный демон

Дверь кабинета начальника захлопнулась за Артёмом с таким глухим, финальным стуком, будто он хоронил за собой целый мир. Не тот уютный, объяснимый мир протоколов и приборов, а новый, треснувший, в котором нашлось место для «консультантов по тонким материям». Гулкая тишина коридора отдела «К» встретила его, но она не принесла облегчения. Она была другой — настороженной, звенящей от его собственной ярости.

Он не пошёл к своему рабочему месту в общем зале. Там могли быть люди. Сейчас он не вынес бы даже их молчаливых, полных вопроса взглядов. Вместо этого он резко свернул в ближайшую пустую переговорную, щёлкнул выключателем — и её заполнил холодный свет люминесцентных ламп. Комната пахла пылью, старым кофе и тоской от бесконечных совещаний.

Артём швырнул планшет на полированный стол. Гаджет скользнул и грохнулся на пол, но он даже не вздрогнул. Всё его тело было сжато в один тугий, дрожащий узел. В висках стучала кровь, челюсти болели от того, что он слишком сильно их сжимал. В ушах опять, чёрт бы её побрал, звенело — но теперь это был не ледяной звон с площади, а просто гул собственной, загнанной внутрь ярости.

«Она в ужасе. Она болит».

Слова Вари, произнесённые её спокойным, уверенным голосом, въелись в мозг как заноза. Какой-то абсурд. Дерево не может болеть. Дерево не чувствует ужаса. Оно гниёт, горит, проводит ток, наконец, если в него врезалась аномалия! Но не чувствует.

«Вы до сих пор дрожите».

А вот это была уже откровенная наглость. Психологический приём. Манипуляция. Она видела его состояние после шока и воспользовалась этим, чтобы втереться в доверие, выставить себя всевидящей сивиллой. И начальник купился на эту дешёвку.

Он с силой провёл ладонью по лицу, как будто пытаюсь стереть с него остатки того ледяного света и её пронзительного взгляда. Не вышло. Холодок внутри, у самого сердца, никуда не делся. Он стоял там — немой укор, физическое свидетельство того, что на площади случилось нечто. Не просто аномалия. Нечто большее.

Чтобы заглушить этот внутренний вой, его рука снова, почти автоматически, потянулась к внутреннему карману куртки. Не к удостоверению, не к служебному пропуску. К тому, что лежало там всегда, за пластиковым слоем, как талисман наоборот — напоминание не о счастье, а о крушении всех надежд.

Он вытащил фотографию. Маленькую, квадратную, с волнистыми краями, заламинированную когда-то давно небрежной рукой. Цвета выцвели до пастельных, приглушённых тонов, будто память сама старалась смягчить слишком резкие краски того дня.

И он снова увидел их. Мальчика в смешном бумажном колпаке с бубенцом, нахально съехавшем набок. Его собственное лицо, озарённое широкой, беззубой улыбкой — он тогда как раз два передних зуба потерял. И её. Сестрёнку. На фотографии она зажмурилась от вспышки, но всё равно улыбалась, вцепившись ручонкой в его рукав. За их спинами — та самая, домашняя, невзрачная ёлка, вся в самодельных гирляндах из цветной бумаги и ватных шариках, покрашенных серебрянкой. Дешёвая мишура. Счастье. Абсолютная, ничем не омрачённая вера.

Именно в тот вечер, спустя час после того, как щелчок фотоаппарата запечатлел этот момент, он подошёл к этой ёлке втайне от всех. Зажмурился. И с такой силой, с таким исступлённым желанием, которое бывает только у детей, попросил. Не себе. Никаких игрушек, никаких обещаний от Деда Мороза. Только одно: «Сделай так, чтобы Леночка выздоровела. Пожалуйста. Я тебе всё отдам».

Он не просто верил в чудо. Он заключил сделку. Со всей этой мишурой, с огнями, с самой идеей праздника. Он предложил в уплату всё, что у него было — своё будущее счастье, свои мечты, всё что угодно. Лишь бы она жила.

Чудо не случилось. Сделка не прошла. Или прошла, но...

Нет. Он отшвырнул эту мысль. Это было детское, дурацкое суеверие. Магия не работает. Желания не исполняются. Никто ничего ни у кого не берёт. Просто так совпало. Просто жестокая, бессмысленная случайность.

Решение Артёма Калинина поступить в Отдел «К» не было ни озарением, ни случайностью. Это был холодный, выверенный, многоступенчатый акт самоубийства и мести одновременно. Мести не конкретному существу, а самой идее.

После смерти Лены мир не просто осиротел — он стал ядовитым. Родители, сломленные горем, растворились в тихом взаимном обвинении. Артём, подросток, выбрал иной путь: отрицание. Если Вселенная позволила такому случиться, значит, в ней нет ни справедливости, ни смысла. А если смысла нет — нет и места чуду, этой сладкой, лживой приправе к реальности.

Он видел, как люди цепляются за мистику: ставят свечи, загадывают на звезду. Это вызывало у него почти физическую тошноту. Он считал их слабыми: они выбирали обман вместо правды. И возненавидел эту слабость так же сильно, как болезнь, забравшую Лену.

Но Артём не был разрушителем. Он был уборщиком. Его острый аналитический ум искал не хаоса, а системы. И нашёл её: вера в иррациональное — не глупость, а заразный дефект восприятия, дающий материальные последствия. Он наблюдал, как люди теряют деньги мошенникам, отказываются от врачей, разрушают семьи из-за гороскопов. Симптомы одной болезни — слабости критического мышления.

В семнадцать он отучил себя вздрагивать от чёрной кошки. В девятнадцать — свёл сон перед экзаменом к стрессу и недосыпу. К двадцати двум, окончив юридический факультет (специализация — административное право, максимально сухое), он уже видел паттерны. Суеверия, массовая истерия, экстрасенсы — всё это признаки эпидемии. Он решил бороться с заразой на институциональном уровне.

Он впервые услышал о «специальном отделе» при городском УВД: о вызовах, не попадающих в сводки; о людях, которые «разбираются с тем, во что нельзя верить, но что случается». Большинство считало это байкой. Артём предположил: подразделение по борьбе с мошенничеством в сфере эзотерики или массовыми психозами. Его заинтересовало. Здесь была система. Здесь можно было драться с болезнью.

На собеседовании начальник Отдела «К» долго смотрел на анкету, потом на него.

— Вы не верите в то, с чем будете работать, — констатировал он. — Я верю: любое явление имеет причину и следствие, — ответил Артём. — Даже если причина — коллективная истерия. Я хочу находить причины и пресекать последствия. В рамках закона. — А если причина не в головах? — прищурился начальник. — Тогда это новый, не описанный процесс. Его можно классифицировать и нейтрализовать. Методологически.

Его взяли. Не за гений, а за холодную, бесстрастную силу. Он стал тем, кто приходит после «чуда» и выносит вердикт: «техногенная авария», «массовая психогенная реакция». Он был живым воплощением протокола, ластиком, стирающим магию с лица реальности.

Годы шли. Он видел «призраков» — плесень с галлюциногенами; «ожившие» статуи — магнитные аномалии и ветер. Каждый случай — маленькая личная победа. Он доказывал себе и миру: чуда нет. Есть только сложная, порой неприятная, но объяснимая физика.

Особую ярость вызывала новогодняя магия. Он рвался к праздничным вызовам: «агрессивные гирлянды», «ожившие снеговики». Каждый разобранный «чудо-эпизод» был актом мести: той ёлке из детства, тому Деду Морозу, той вере, которая предала его и ничего не дала взамен.

Он защищал людей не от чудес, а от надежды. От той, что ведёт, по его святому убеждению, только к падению. Он был санитаром в царстве иллюзий, и его скальпелем был беспристрастный разум. Он искренне считал: очищает мир от ядовитой чепухи и делает его безопаснее.

До той вспышки синего света на площади. До тени с рогами. До осознания: существует нечто, на чьей шкале ценностей он — Артём Калинин, со всем скепсисом и протоколами — весит не больше снежинки в метели.

Его миссия, его жизнь, его месть — всё оказалось детской игрой в песочнице на краю ледяной бездны.

Ирония судьбы: теперь, чтобы спасти хоть что-то, он должен был не разоблачать чудо, а признать его законы. Как учёный признаёт новый, пугающий закон физики. В этом признании — его окончательное поражение. Или единственный шанс на искупление.

Сейчас, глядя на улыбающееся лицо сестры, а потом на отражение своего собственного, искажённого злостью и страхом лица в тёмном окне переговорки, старый вопрос поднялся из глубин с такой силой, что у него перехватило дыхание.

*А что если взяли?
 Что если та синяя гирлянда, этот холод, эта тень... что если это всё — из той же оперы? Только масштаб другой. И плата... гораздо страшнее, чем один испорченный праздник?*

Он с такой силой сжал фотографию в руке, что пластик затрещал. Ему захотелось закричать. Швырнуть что-нибудь. Разбить это чёртово окно с видом на вечно празднующий, ничего не подозревающий город. Чтобы этот пронзительный, холодный звон наконец разбился вдребезги вместе со стёклами.

Но он не сделал ни того, ни другого. Артём Калинин просто медленно, как очень старый и очень уставший человек, опустился на стул. Положил фотографию на стол перед собой. Уставился на неё, а сам видел не смеющиеся детские лица, а круг синего инея на снегу и пустое место, где стоял смотритель.

Тишина в комнате стала абсолютной, давящей. Снаружи доносился лишь смутный гул города, готовящегося к празднику, который для Артёма только что обрёл новый, ледяной смысл.

Глава 6: Расследование

После переговоров Артём не пошёл домой. Дом — это четыре стены, тишина и ещё больше пространства для невыносимых мыслей. Вместо этого он направился в свой кабинет, точнее, к своему островку в общем зале, уже погружённому в вечернюю тьму. Щёлчок настольной лампы вырвал из мрака стопки папок, монитор и кружку с окаменевшим остатком кофе. Свет был резким, безжалостным — и он ему нравился. Таким же резким и безжалостным должен был быть анализ.

Слова Вари Снегиной всё ещё висели в воздухе, как дым после выстрела: «Болящая ёлка», «холод отчаяния». Это была не работа — это был сеанс народного целительства. Нет, его оружие — факты, логика, профиль. Если что-то забрало человека, у этого «чего-то» должна быть причина. Или у тех, кто стоит за этим. Он отвергнет её «тонкие материи», выстроив неприступную стену из документов и свидетельских показаний.

Он начал с баз данных. Пропавший смотритель — Николай Сергеевич Воронин, 52 года. Трудовая книжка — история человека, который никогда не высывался: слесарь на заводе «Маяк», потом вахтёр в том же заводике, затем, после сокращения, дворник в управляющей компании, откуда его и привлекли как временного смотрителя для главной ёлки на период праздников. Ни судимостей, ни приводов в милицию. Серая, ничем не примечательная жизнь.

Артём углубился в соцсети. Аккаунты были, но вели их, похоже, из вечного долга перед эпохой. Страничка «ВКонтакте» с тремя фотографиями: одна — молодой Воронин на фоне какого-то цеха, две другие — мемы про женщин и начальство, грубые, пошлые. В «Одноклассниках» — чуть активнее: периодические ссоры в комментариях под политическими новостями, переходящие на личности. Воронин там высказывался резко, зло, с пренебрежением ко всем, кто думал иначе. Артём записал: «Агрессивный консерватизм, склонность к вербальной конфронтации, низкий порог толерантности». Это уже был штрих.

Он поднял телефон. Первый звонок — в управляющую компанию, его последнему официальному работодателю. Ответила какая-то замученная женщина из отдела кадров:

— Воронин? Ну да, работал. Уволился по соглашению. Сказал, что надоело.
 — А как работал? Конфликты были?

Пауза. Слышно, как женщина тихо вздыхает, оценивая, сколько правды можно выдать постороннему.
 — Конфликты... Он со всеми конфликтовал. С жильцами — постоянно на жалобы, что мусор не так сортируют, что дети шумят. С коллегами — вечно всем недоволен, все дураки, один он умный. Уходил, хлопнув дверью. Не самый приятный человек.

Второй звонок — участковому того района, где жил Воронин. Участковый, мужчина на голос лет под пятьдесят, узнав фамилию, крикнул:
 — А, Воронин-скандалист. Да, вызывали не раз. То соседи — на повышенные тона, на угрозы. То жена... вернее, уже бывшая жена. Семейные скандалы. Дебоши не deboши, но орал так, что на три подъезда слышно. Угрозы расправой. Последний раз — месяца три назад. Жена с дочерью съехали. После этого вроде затих. Формального состава нет, но... осадок, знаете ли, тяжёлый.

Третий звонок Артём сделал уже по личному, неофициальному запросу — своему старому знакомому, который работал в службе судебных приставов. Через полчаса тот перезвонил:
 — Колян? Да, висит у нас. Алименты на дочь не платит, злостно. Говорит, что денег нет, а сам, по слухам, подрабатывает где-то на стройке чёрным налом. Бывшая жена подавала на розыск по алиментам, но он как крот — формально нигде не работает, официального дохода нет. Классический «неплательщик-скандалист». Неприятный тип.

Портрет складывался чёткий, как криминальный профиль. Николай Воронин — озлобленный неудачник, вымещающий свою неустроенность в жизни на всех вокруг: на коллегах, на соседях, на собственной семье. Домашний тиран, доведший жену и дочь до бегства. Социаль-

ный паразит, игнорирующий свои обязательства. Человек, после ухода семьи которого окружающие, судя по всему, только вздохнули с облегчением.

Артём откинулся на спинку кресла, удовлетворённо (и с долей горького торжества) щёлкая ручкой. Вот оно. Мотив. Самый что ни на есть классический. Озлобленная бывшая жена, уставшая от угроз и нищеты. Или взрослая дочь, над которой годами издевались. Или даже сосед, которого он постоянно унижал. Они могли найти способ. Не магический, конечно. Но... технологический? Какой-то генератор направленного холода, ослепляющая вспышка, возможно, с газом, вызывающим кратковременный паралич и амнезию? А потом — похищение. Мсть. Самосуд.

Он начал строить в уме версию: группа недовольных, возможно, с доступом к каким-то ресурсам (бывшая жена могла работать лаборанткой; сосед — инженером), организует акцию возмездия. Использует праздничную суету как прикрытие. Но как объяснить синий огонь? И самое главное — полное исчезновение без физического следа? Ни крика, ни борьбы, ни следов волочения по снегу. Только круг инея.

Он снова вызвал на монитор фотографии с места. Увеличенный снимок круга. Кристаллы идеальной формы. Данные прибора: температура в эпицентре в момент вспышки, по расчётам, должна была опуститься ниже минус пятидесяти. На несколько секунд. Такого не бывает даже с жидким азотом, вылитым на землю. И никаких следов подхода, никакой техники, никаких свидетелей, видевших подозрительную активность. Все видели только вспышку.

Его логичная, стройная версия о мстительных родственниках наткнулась на этот факт, как корабль на айсберг, и дала течь. Он пытался её латать: может, использовали дрон? Но дрон с таким оборудованием был бы размером с холодильник и ревел бы, как реактивный двигатель. Может, подкоп? Но под метровым слоем утрамбованного снега и брусчатки — коммуникации и вечная мерзлота грунта.

Артём встал, подошёл к окну. Город сверкал внизу. Где-то там, в этой паутине огней, жила бывшая жена Воронина. Возможно, она сейчас плакала от облегчения или дрожала от страха. Возможно, она вообще ничего не знала. Но даже если она и была причастна... это не объясняло главного. Не объясняло тени с рогами, которую видел он один. Не объясняло, почему гирлянда горела сама по себе. Не объясняло, почему холод был не физическим явлением, а ощущением, проникающим прямо в душу.

Он вынужден был признать это, скрепя сердце. Признать вслух, даже в пустом кабинете, он не мог. Но внутри, в самой глубине своего прагматичного естества, он почувствовал ледяное прикосновение правды: здесь работал фактор, который не вписывался ни в один протокол — ни криминалистический, ни аномальный. Нечто, что действовало по логике, недоступной его пониманию.

И тогда, сквозь шум собственных мыслей, к нему вернулись слова Вари — но теперь они звучали не как ересь, а как жуткая, нежеланная подсказка: «Она в ужасе. Она болит».

Что, если «она» — это не только ёлка? Что, если это... сама ситуация? Сам акт воздаяния? И Воронин стал первой жертвой не потому, что его кто-то ненавидел, а потому, что он... подходил?

Это была абсурдная, безумная мысль. Артём тут же отогнал её. Но семя сомнения было посеяно. Теперь его профессиональная уверенность была не монолитом, а треснувшим льдом. И из трещины сочился тот самый необъяснимый холод.

Встреча была назначена на следующий день на нейтральной территории — в конференц-зале отдела, пахнущем старым деревом и пылью от неиспользуемых проекторов. Артём пришёл на десять минут раньше, чтобы занять позицию у окна, демонстративно разглядывая город. Он не хотел создавать впечатления, что ждёт её.

Варя вошла ровно в назначенное время — не в романтических одеждах, а в той же практичной тёмной одежде, с планшетом под мышкой. Она молча села на противоположном конце длинного стола, создав между ними максимальную дистанцию.

— Ну что, шаман, — начал Артём, не оборачиваясь, — готова выслушать голос разума? Или вам нужно сначала настроиться на «вибрации помещения»?

— Вибрации помещения говорят, что здесь десять лет не проводили генеральную уборку и что ты сейчас пытаешься скрыть свою досаду за дешёвым сарказмом, — спокойно ответила Варя, включая планшет. — Я слушаю. Какие догадки у официальной науки?

Артём повернулся, упёрся руками в спинку стула.

— Догадки простые. Наш пропавший, Николай Воронин, был законченной сволочью. Домашний тиран, злостный неплательщик алиментов, скандалист и мизантроп. Мотив для мести у его окружения был весомее этого стола.

— И? — Варя подняла на него свои прозрачные глаза. — Ты думаешь, бывшая жена наняла шамана, чтобы наслат на него ледяного духа? Или сосед, которого он достал, оказался скрытым криомантом?

— Не надо вашей ереси, — огрызнулся Артём. — Я думаю, что могла быть использована технология. Направленный энергетический импульс, ослепляющая вспышка, может, какой-то химгаз. В суматохе его могли банально утащить.

— В круг идеального инея? С температурой в эпицентре, сравнимой с марсианской зимой? — Варя едва заметно усмехнулась. — Артём, даже в твоём скептическом мире для такого нужен переносной ядерный реактор. Его бы заметили.

— Значит, я что-то упустил! — Его голос прозвучал резче, чем он хотел. Он раздражённо провёл рукой по волосам. — Но логика есть. Человек нажил врагов. Человек исчезает. Это криминал. А не... не разговор с ёлкой.

— А тень с рогами? — тихо спросила Варя. — Это тоже часть криминального замысла? Галлюциноген в воздухе?

Артём замолчал. Это был его самый слабый козырь — свидетельство одного человека, да ещё и под действием стресса.

— Оптический обман, — буркнул он. — Игра света и веток. Вы же любите «тонкие материи» — вот вам и материализовавшаяся проекция коллективного страха.

— Моя «любовь к тонким материям» не делает меня слепой к очевидному, — парировала Варя. Её спокойствие начинало действовать ему на нервы. — Твоя версия не сходится. Ни одна. Она разбивается о физические данные, которые ты же сам собрал. Признай это.

— Признать что? — Он сделал шаг к столу, наклонился, упираясь ладонями в столешницу. — Что на площади орудует Рогатый Мороз, который забирает плохих дядь? Это детская страшилка! В чём твой интерес, Снегина? Чего ты хочешь? Устроить цирковое представление с призраками, пока я пытаюсь найти реального преступника?

Варя не отклонилась назад. Она держала его взгляд.

— Мой интерес — понять, что происходит, прежде чем это заберёт следующего. А твоё упрямство — это не профессионализм, Артём. Это трусость. Ты боишься допустить, что мир сложнее твоих протоколов.

— Не лезь в мою голову со своими эмпатическими догадками, — прошипел он. — Вы все, «видящие», такие. Вам кажется, что вы понимаете боль всех вокруг. Вы не понимаете ничего. Вы просто играете в загадочных гуру.

На её лице впервые мелькнуло что-то, кроме холодной сосредоточенности. Краешек губ дрогнул, будто от боли.

— А у тебя какая-то личная неприязнь ко мне, да? — спросила она, и в её голосе прозвучал неподдельный, усталый вопрос. — С первого взгляда. Я чем-то тебя задела? Тем, что не ношу халат со звёздами? Или тем, что не боюсь назвать твой скепсис тупиком?

Артём отпрянул, словно её слова были ударом. Личная неприязнь? Да, она была. Но её корни уходили так глубоко, что он и сам боялся до них дотронуться. Она была живым воплощением всего, во что он перестал верить, и всего, чего он боялся: что интуиция может быть сильнее логики, что мир полон непознанных сил и что, возможно, какие-то желания всё-таки имеют цену.

— У меня неприязнь к непрофессионализму, — сухо сказал он, отворачиваясь. — И к тем, кто пытается заменить работу воображением. Зачем тебе это всё, Снегина? Отец был таким же «консультантом»? Унаследовала семейное дело по вызову духов?

Он увидел, как её пальцы чуть сильнее сжали край планшета. Сустав побелел. Это попало в цель.

— Мои мотивы — не твоё дело, — её голос стал тише, но твёрже. — Пока. Считаю меня наёмником со специфичными навыками. Ты ищешь преступника среди людей. Я ищу причину среди... всего остального. И пока что моя версия — единственная, которая хоть как-то стыкуется с фактом исчезновения без следа. И с тем холодом, который ты до сих пор в себе носишь. Хочешь отрицать и дальше — отрицай. Но следующий огонёк на ёлке зажжётся не от твоего скепсиса.

Она встала, не дожидаясь его ответа.

— Я изучаю материалы по прошлым похожим инцидентам в архиве. Если твоя «криминальная» версия даст хоть одну осязаемую зацепку — буду рада её обсудить. До тех пор... продолжайте ваши измерения, инспектор.

Она вышла из зала, оставив Артёма одного в гулкой тишине. Он сжал кулаки. Она снова сделала это — поставила его в положение упрямого дурака, который отказывается видеть очевидное. И самое мерзкое было в том, что где-то в глубине он понимал: она, возможно, права. И от этого бесился ещё сильнее.

«Зачем ей это нужно?» — вертелось у него в голове. Не из любви к искусству же. У неё был свой интерес, своя боль, свой скелет в шкафу. И пока она не поделится им, он не сможет ей доверять. Но и игнорировать её «версию» теперь было нельзя. Следующий огонёк... Мысль заставила его похолодеть.

Он посмотрел на пустой стул, где она только что сидела. Битва мировоззрений только начиналась. И на кону, как он смутно догадывался, было нечто большее, чем карьера или профессиональная гордость.

Глава 7: Второй огонек

Мороз в канун Рождества был иным — не колючим, городским, а тихим, бархатистым, впитывающим в себя перезвон колоколов с ближайшей церкви и шёпот молитв. Воздух словно сгустился, наполнившись едва уловимым ароматом воска и ладана, будто сама ночь решила облачиться в праздничные одежды. Площадь, однако, не поддавалась благоговению. Она гудела более сдержанной, семейной суетой — здесь царил дух Рождества, но не мистического, а земного: тёплого, шумного, живого.

Люди шли с богослужений, несли звёзды, бережно укрывая их от порывистого ветра; дети, раскрасневшиеся от холода и восторга, тащили родителей к той самой ёлке. Она возвышалась посреди площади, словно застывшая в вечности исполинская красавица, обнесённая дополнительным, малозаметным ограждением. Рядом неспешно прохаживались наряды полиции — под видом охраны порядка, но Артём знал: их истинная задача — следить, не произойдёт ли что-то странное.

Артём Калинин стоял, прислонившись к стене тёплого павильона с горячим сидром, и делал вид, что пьёт свой стаканчик. Пар от напитка поднимался перед лицом, на мгновение скрывая его сосредоточенный взгляд. На самом деле он сканировал толпу — методично, холодно, как опытный охотник, отслеживающий добычу. Его глаза, острые и внимательные, выхватывали детали: мужчину, слишком долго крутившегося у ограждения (слишком сосредоточенного, слишком напряжённого); женщину с пустым, отрешённым взглядом (будто она уже не здесь, будто её мысли где-то далеко); группу подростков, которые тыкали пальцами в ёлку и что-то горячо обсуждали (смех, жесты, но в глазах — странное любопытство, граничащее с тревогой).

Он искал подозрительное поведение. Возможного «исполнителя». Следующую жертву.

В ушах у него был миниатюрный наушник, а в кармане — прибор, фиксирующий малейшие колебания фонового потенциала. Холодный металл устройства успокаивал — в нём была логика, цифры, факты. То, чему Артём мог доверять.

В трёх метрах от него, притворяясь фотографирующей туристкой, находилась Варя. Она не смотрела на людей. Её взгляд был прикован к ёлке — не к огням, переливавшимся всеми оттенками радуги, а к тёмным провалам между ветвями, к самому стволу, обмотанному проводами. Она стояла неподвижно, лишь изредка слегка поводя головой, будто прислушиваясь к тишине, которая, казалось, пульсировала вокруг.

На ней была белая пуховая куртка с капюшоном, и в этом антураже она выглядела как просто замёрзшая девушка, любующаяся красотой. Только лёгкая бледность и напряжённость вокруг глаз выдавали в ней нечто иное — ту, кто видит больше, чем остальные.

— Никаких аномальных показаний, — пробормотал Артём в микрофон, вшитый в воротник. Его голос звучал ровно, почти равнодушно, но внутри нарастало напряжение. — Температура в норме. Энергетический фон спокоен. Тишина. Может, ваш «пациент» сегодня взял отгул?

Варя, не меняя позы, ответила тихо, но её голос чётко прозвучал в его наушнике:

— Он не берёт отгулы. Он ждёт. Или выбирает. Тишина — самая громкая вещь здесь. Она звенит.

— Звенит, — с сарказмом повторил Артём. Он сделал глоток остывшего сидра, поморщился — напиток потерял вкус, стал горьким, как его настроение. — Прекрасная метрика для отчёта. «Объект звенел субъективно, оператор Снегина подтвердила». На этом основании запросим подкрепление — оркестр колокольчиков.

— Ты можешь зубоскалить сколько угодно, — её голос оставался ровным, но в нём послышалась усталая терпеливость, будто она уже тысячу раз объясняла одно и то же человеку,

который упорно не хочет слышать. — Но твои приборы не измеряют намерение. А оно здесь висит. Густое. Как смола.

Артём отпил ещё глоток, хотя уже не чувствовал вкуса. Его взгляд упал на угрюмого мужчину, спорящего с охраной, — тот возмущался, что его слишком близко не подпускают.

— Намерение кого? Рогатого призрака? Или всё-таки человека, который, по моей версии, может быть где-то здесь? — Артём говорил резко, почти вызывая, но внутри него росла тревога. — Вот, потенциальный клиент. Недоволен жизнью, агрессивен. Подходит под профиль Воронина. Может, это он следующий?

— Нет, — коротко ответила Варя. Её голос звучал спокойно, но в нём чувствовалась непоколебимая уверенность. — Он просто пьян и зол на жену. Его гнев... горячий, живой. Тот, кого ищет оно, уже холоден внутри. Пустой.

— «Пустой». Ещё один точный термин, — фыркнул Артём, чувствуя, как раздражение смешивается с беспомощностью. — Объясни, как диагностировать «пустоту»? По отсутствию улыбки? По нежеланию покупать сувениры?

Он видел, как она наконец оторвала взгляд от ёлки и посмотрела прямо на него через толпу. Её прозрачные глаза в зимних сумерках казались почти светящимися — в них отражались огни, но не они придавали им этот странный, почти потусторонний блеск.

— Ты же сам чувствовал. Тот холод. Он вытягивает всё: жизнь, эмоции, раскаяние. Оставляет только ледяную скорлупу, удобную для... поглощения. Ты строил профиль Воронина. Разве он не был таким? Пустой скорлупой, из которой давно вытекло всё человеческое?

Артём замолчал. Она снова была в самую точку. Да, его профиль сводился к тому, что Воронин был эмоциональным и моральным банкротом. Но это была метафора! А не диагноз для потустороннего хищника.

— Даже если допустить твою сказку, — сказал он, понизив голос, чувствуя, как внутри растёт ледяной ком, — как мы можем это предсказать? Сидеть и ждать, пока у кого-то в толпе «окончательно вытечет человеческое»?

— Не мы. Ёлка, — Варя снова повернулась к исполинской ели, её взгляд снова стал отстранённым, будто она слушала что-то, недоступное другим. — Она связана с ним. Она... антенна. Или ловушка. Я пытаюсь её услышать.

— И что она тебе говорит? — спросил Артём, не скрывая скепсиса, но в глубине души понимая, что её слова вызывают у него не только раздражение, но и тревогу.

Варя на мгновение зажмурилась, её лицо стало сосредоточенным, почти болезненным. Она словно пыталась прорваться сквозь невидимую стену, услышать то, что было скрыто от других.

— Ничего. Она молчит. Но это не её молчание. Это... молчание заложника. Её заставили молчать. Она вся — сплошной крик, замороженный в хвое и лампочках. — Она открыла глаза, и в них мелькнуло что-то вроде отчаяния. — Я не могу достучаться. Только чувствую этот леденящий ужас. И жду.

— Превосходно, — пробормотал Артём, чувствуя, как холод пробирает до костей, несмотря на тёплую куртку. — Мы дежури́м на морозе, потому что новогодняя ель испытывает эмоциональное насилие со стороны невидимого духа. Я уверен, начальник будет в восторге от этого рапорта.

— А твой рапорт будет состоять из одной фразы: «Ничего не произошло, причина не установлена», — парировала Варя, и в её голосе прозвучала не злость, а горькая уверенность. — И это будет ложь. Потому что что-то произойдёт. И скоро.

Они замолчали. Напряжение между ними висело в воздухе, почти осязаемое, как морозный пар от дыхания. Артём ненавидел эту неопределённость. Он привык действовать: искать, вычислять, нейтрализовывать. А здесь приходилось просто ждать, полагаясь на «ощущения»

напарницы, которые он всерьёз не принимал. Но где-то глубоко внутри он понимал: её слова не так уж безумны.

Внезапно прибор в его кармане издал тихий, но отчётливый писк. Артём насторожился, вытащил его, прикрыв ладонью от посторонних глаз. Стрелка датчика фонового потенциала дрогнула и поползла вверх. Незначительно, но это был первый сдвиг за весь вечер.

— Есть движение, — тихо сказал он в микрофон, чувствуя, как сердце начинает биться чаще. — Слабый всплеск в секторе «Альфа» (они условно разделили площадь на сектора). Возле южной стороны ёлки.

Варя не ответила. Она застыла, уставившись в одну точку. Артём проследил за её взглядом.

На ёлке, почти у самого основания, среди белых и золотых гирлянд, вспыхнул одинокий огонёк. Красный. Не мигающий. Густой, как капля крови, тёмно-алый свет. Он не мерцал, не играл — он просто *был*, словно отметина, поставленная невидимой рукой.

— Вот он, — едва слышно прошептала Варя. Её голос дрогнул, но не от страха, а от горького осознания. — Выбор сделан.

Артём забыл про скепсис. Его пальцы инстинктивно сжали прибор, холодный металл которого вдруг показался ему жалким, бесполезным. Холодный, рациональный ужас накрыл его с головой. Она была права. Это была не случайность. Это была система. И она только что дала о себе знать.

— Вижу цель? — резко спросил он, его глаза забежали по толпе у южной стороны, выискивая того, кто остановился, кто смотрит на этот красный огонь с тем же пустым, замороженным взглядом.

— Не вижу, — голос Вари был напряжённым. — Но он здесь. Он уже идёт. Мы опоздали на первую часть спектакля. Теперь можем наблюдать только финал.

Их противостояние в этот момент перестало быть идеологическим. Оно стало просто разницей в методах. Он был готов броситься в толпу, искать, предотвратить. Она знала, что уже нельзя. Они оба — циник и эмпат — оказались одинаково бессильны перед холодной логикой разворачивающейся аномалии. И это общее бессилие было, пожалуй, первым шагом к чему-то, что ещё нельзя было назвать доверием, но что уже не было чистой ненавистью.

Глава 8: Жертва №2

Толпа на площади была живой, подвижной рекой, но она плыла сквозь неё, как неподвижный камень. Женщина лет сорока пяти в идеально сидящем кашемировом пальто песочного цвета, с дорогой кожаной сумкой через плечо. Её каре, уложенное с парикмахерской точностью, не шелохнулось на ветру. Лицо — ухоженное, со следами былой красоты, теперь затянутой плёнкой холодной решимости и усталости от власти. Она не смотрела по сторонам, не замечала детей, толкавшихся рядом, не видела нарядных витрин. Её взгляд, пустой и сфокусированный одновременно, был прикован к одному месту — к тому самому красному огоньку у подножия гигантской ели.

Шла она не как сомнамбула, шатаясь. Нет. Её шаги были чёткими, механическими, будто кто-то невидимый дирижировал её мускулами. Каблуки отмеряли по снегу ровную, неотрывную линию. Это было страшнее неуверенной походки — абсолютная, бездушная точность марша.

— Цель идентифицирована, — сквозь зубы процедил Артём в микрофон, уже срываясь с места. — Женщина, сорок-пятьдесят, пальто бежевое. Двигается к точке «Альфа».

— Не подходи! — резко, почти срываясь, сказала Варя в наушнике. — Ты не остановишь. Это уже не она.

Но Артём уже продирался сквозь толпу, извиваясь между людьми. Его аналитический ум лихорадочно работал: возможно, воздействие звуковой или пси-волны, нужен прибор для подавления, расстояние слишком велико... Он видел, как женщина, не замедляя шага, прошла мимо полицейского. Тот что-то сказал ей, жестом показывая, что близко подходить нельзя. Она повернула к нему голову. Артём увидел её глаза. Они были стеклянными, мёртвыми, как у рыбы на льду. Никакой реакции. Она просто продолжила идти, будто стража не существовало. Полицейский, ошеломлённый, на секунду замер, а затем потянулся за рацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.